

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 922–959.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 922–59.

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>

<https://elibrary.ru/xecaoh>

**Дело П.А. Селецкого.
Разоблачение провокации в рядах эсеровской эмиграции 1923 г.**

Анна Анатольевна Голосеева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
goloseyeva.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>

Anna A. Goloseyeva

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,
goloseyeva.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>

Аннотация. В статье освещается одно из направлений подрывной работы органов ВЧК–ГПУ против социалистов-революционеров, а именно внедрение агентов-провокаторов в ее ряды. Рассматривается эпизод, связанный с провокатором П.А. Селецким, завербованным органами ВЧК.

Цель статьи – рассмотрение феномена провокации П.А. Селецкого в контексте политического противостояния партии социалистов-революционеров и спецслужб Советской России.

В ходе работы были выявлены предпосылки провокации как метода разложения оппозиционных партий, проанализирована деятельность П.А. Селецкого в среде эсеровской эмиграции и его разоблачение, сделан вывод о влиянии данного события на деятельность партии социалистов-революционеров в России и в эмиграции.

В статье использована методология политической истории, которая позволяет выяснить процессы функционирования отдельных политических институтов (в данном случае политических партий), политику тех или иных общественных групп, их лидеров. Она дала возможность оценить конкретную политическую ситуацию, возможные сценарии развития событий и принятия решений.

Статья вводит в научный оборот ряд не публиковавшихся ранее писем из коллекции Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния) и архива Международного института социальной истории (Амстердам).

Автором рассматриваются события с момента зарождения подозрений в отношении П.А. Селецкого и до его окончательного разоблачения. Интересными представляются

© Голосеева А.А., 2026

© Goloseyeva A., 2026

поведенческие и межличностные аспекты взаимоотношений участников данной истории, которые отразились в переписке В.М. Чернова, В.М. Зензинова, членов ЦБ ПСР в России и П.А. Селецкого.

Подчеркивается, что провокаторская деятельность Селецкого имела для остатков ПСР в России крайне разрушительные последствия: коммуникация между местными группами была нарушена, действовавшее Центральное Бюро приостановило работу, связь с заграницей временно прервалась. Смятение, разброд и вспышки взаимной подозрительности в рядах зарубежных эсеров, последовавшие за разоблачением провокатора, также крайне негативно отразились на работоспособности организации.

Делается вывод о том, что усилия советских секретных служб по разложению российской политической эмиграции были весьма успешными, а метод провокации и внедрения в ряды зарубежных организаций своих агентов – эффективным.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, эсеры в эмиграции, политическая эмиграция, П.А. Селецкий, В.М. Чернов, ВЧК–ГПУ, провокации

Для цитирования: Голосеева А.А. Дело П.А. Селецкого. Разоблачение провокации в рядах эсеровской эмиграции 1923 г. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 922–959, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>; EDN: XECAOH

The Case of P.A. Seletskii. Exposing the Provocation in the Ranks of the Socialist Revolutionary Emigration of 1923

Abstract. This article is devoted to one of the areas of subversive work carried out by the VChK–GPU authorities against the Socialist Revolutionaries, namely, the infiltration of agent provocateurs into their ranks. It examines the episode involving provocateur P. Seletskii, who was recruited for work by the Cheka authorities.

The purpose of the article is to examine the phenomenon of Pyotr A. Seletskii's provocation in the context of the political confrontation between the Socialist Revolutionary Party and the special services of Soviet Russia.

This article identifies the prerequisites for provocation as a method of undermining opposition parties, analyses the activities of P. Seletskii among the Socialist Revolutionary emigration and his exposure. The author draws a conclusion about the impact of this event on the activities of the Socialist Revolutionary Party in Russia and in emigration.

The article employs the methodology of political history, which makes it possible to clarify the functioning processes in individual political institutions (in this instance, political parties), the policies of certain social groups and their leaders. This methodology has allowed for an assessment of the specific political situation as well as possible scenarios for the development of events and decision-making.

The article introduces into scholarly circulation a number of previously unpublished letters from the Nicolaevsky collection at the Hoover Institution Archives (*Stanford, California*) and from the archives of the International Institute of Social History (Amsterdam).

The author examines the events from the moment suspicions regarding P. Seletskii arose until his final exposure. Of particular interest are the behavioral and interpersonal aspects of the relationships among the participants in this story that are reflected in the correspondence of Viktor M. Chernov, Vladimir M. Zenzinov, members of the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party in Russia, and P. Seletskii.

It is emphasized that Seletskii's provocative activities had extremely destructive consequences for the remnants of the Socialist Revolutionary Party in Russia: communication between local groups was disrupted, the acting Central Bureau suspended its work, and contact with the abroad was temporarily cut off. The confusion, disarray, and outbreaks of mutual suspicion among the foreign Socialist Revolutionaries that followed the exposure of the provocateur also had an extremely negative impact on the organization's effectiveness.

It is concluded that the efforts of the Soviet secret services to undermine the Russian political emigration were quite successful and the method of provocation and agents infiltrating into the ranks of foreign organizations proved to be rather effective.

Keywords: Socialist Revolutionary Party, Socialist Revolutionaries in emigration, political emigration, P. Seletskii, V. Chernov, VChk-GPU, provocations

For citation: Goloseyeva, A.A. "The Case of P.A. Seletskii. Exposing the Provocation in the Ranks of the Socialist Revolutionary Emigration of 1923." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 922–59, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>; EDN: XECAON

Введение

Советские спецслужбы начали вести контрразведывательную и диверсионную работу против всех политических объединений русской эмиграции (от монархических до социалистических) с момента их образования. География оперативной деятельности охватывала огромные пространства от Китая до Франции.

К лету 1920 г. в ряде зарубежных стран при дипломатических и торговых миссиях РСФСР была создана большевистская резидентура. Всей ее работой руководил Иностранный отдел, действовавший в составе Особого отдела ВЧК и ставший в конце 1920 г. самостоятельным структурным подразделением (ИНО ВЧК). Одной из задач, стоящих перед ним, было получение сведений и секретной документальной информации о деятельности эмигрантских антибольшевистских организаций и об их связях в России.

В начале 1922 г., после преобразования ВЧК, ИНО продолжил работу в составе Секретно-оперативного управления ГПУ, где параллельно начал работать Секретный отдел, в Положении о котором значилось, что он «ведает и руководит борьбой с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями»¹.

Практически везде, где появлялись эмигрантские сообщества, советские спецслужбы брали в разработку их активных русских общественных и политических лидеров. Советское руководство регулярно информировалось обо всех значимых событиях в среде политической эмиграции. Исследователь Б.Г. Струков отмечал следующее:

¹ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ–ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 112.

Были добыты практически все программные и уставные документы сколько-нибудь значимых организаций и движений, тщательно фиксировались передвижения, контакты и публичные выступления лидеров эмиграции, по возможности была взята под контроль их личная переписка².

Спецслужбы были готовы купировать любую деятельность эмиграции, если она оценивалась как возможная угроза Советской России. При этом оперативные мероприятия осуществлялись как легальными, так и противозаконными методами: достаточно вспомнить громкие дела с похищениями лидеров РОВС, генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера в 1930-е годы³. ОГПУ не только занималось устранением политических противников, но и оказывало влияние на политические процессы в странах русского рассеяния. Например, высылка правительством Александра Стамболийского ряда активных деятелей русской военной эмиграции из Болгарии в 1922–1923 гг. во многом была инициирована чекистами⁴.

Члены Партии социалистов-революционеров за рубежом также стали объектом пристального внимания ИНО ВЧК. Уже весной 1921 г. от заграничных агентов в отдел стала поступать довольно подробная информация об эсеровской эмиграции.

С конца декабря 1922 г. третье отделение Секретного отдела, занимавшееся непосредственно эсерами, возглавлял И.Ф. Решетов⁵, сам бывший эсер, в 1920 г. перешедший на службу в ВЧК.

Особо серьезные масштабы деятельность зарубежной резидентуры ГПУ приобрела в связи с подготовкой и проведением судебного процесса над членами эсеровской партии в 1922 г.⁶ По данным самих эсеров, для шпионажа

² Струков Б.Г. Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы: сборник / составитель В.М. Комиссаров. Москва: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2000. С. 67.

³ Голдин В.И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Москва: РИСИ, 2016. EDN: WYZUFX

⁴ Темпест Р. Страна родственных умов: русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 120–121. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCINBJ

⁵ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ – ОГПУ (1922–1928). С. 116.

⁶ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 258–274. EDN: QWOXNB

за ними в этот период большевики дополнительно направили из России в Прагу, Париж и Берлин около 40 человек⁷.

Информация о зарубежных эсерах, которые в тот период уже испытывали серьезный организационный и идейный кризис, умело использовалась структурами ГПУ в пропагандистской кампании с целью дискредитации Партии социалистов-революционеров и окончательного ее устранения как политической силы. Перехваченные документы избирательно публиковались в советской печати с целью продемонстрировать антисоветскую сущность недавних соратников, разложение и вырождение эсеровской эмиграции.

Например, сильный резонанс приобрело дело с обнаружением документов из архива Административного центра Внепартийного объединения, которые были похищены большевиками с помощью эмигрантов-монархистов в Париже из редакции эсеровской газеты "Pour la Russie", издаваемой А.Ф. Керенским⁸. Содержание данных документов использовалось большевиками в качестве дополнительных аргументов обвинения на процессе 1922 г. против эсеров.⁹

Немногим ранее разразился скандал, не лучшим образом отразившийся на репутации Партии социалистов-революционеров, в связи с опубликованием в советских «Известиях» перехваченного письма В.М. Чернова в ЦК ПСР. Оно было посвящено характеристике внутрипартийных трений эсеров в эмиграции и содержало довольно нелицеприятные отзывы о представителях «правого крыла» партии¹⁰. Публикация данной корреспонденции сопровождалась пояснительной передовицей с характерным названием «В мире мерзости и запустения»¹¹.

Еще одним испытанным методом ГПУ было внедрение провокаторов в ряды заграничных политических групп. Настоящая статья посвящена довольно громкому эпизоду, связанному с разоблачением провокатора П.А. Селецкого, который около двух лет довольно успешно работал в эсеровской среде в России и в эмиграции.

⁷ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). С. 259.

⁸ Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского внепартийного объединения и Кронштадтское восстание 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49. EDN: IBCYIV

⁹ Янсен М. Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров / перевод с английского Е.А. Ильзен-Грин, Г.Л. Грина, Ф.Е. Апанасенко. Москва: Возвращение, 1993. С. 116–120.

¹⁰ Письмо Чернова в Ц. К. П. С.-Р. // Известия. 1921. № 119 (1262) (2 июня). С. 2.

¹¹ Стеклов Ю. В мире мерзости и запустения // Известия. 1921. № 119 (1262) (2 июня). С. 1.

О работе советских органов безопасности по разложению и обезглавливанию антибольшевистского сопротивления в эмиграции издано достаточно много материалов¹².

Одним из первых работу советских агентов за рубежом осветил в своей книге «Советский шпионаж» известный меньшевик Давид Далин¹³. Данные по структуре и методам агентурно-оперативной деятельности ОГПУ исследуются в монографии А.Г. Теплякова «Машина террора»¹⁴. Описание операций спецслужб по нейтрализации конкретных эмигрантских организаций содержатся в работах М.В. Соколова¹⁵, П.Н. Базанова¹⁶, Л. Флейшмана¹⁷ и др.

Однако деятельность Иностранного и Секретного отделов ГПУ непосредственно против антибольшевистской демократической политической оппозиции (меньшевиков, эсеров и т.д.) в русской эмиграции в 20-е годы XX в. не получила достаточного освещения в исторической литературе. Данная проблема затрагивается в двух разделах работы Л. Герсона «Секретная полиция в Ленинской России»¹⁸ («Секретная полиция за рубежом»¹⁹ и «Секретная полиция и политическая оппозиция»²⁰), а также в сборнике «Советская секретная полиция»²¹. Отдельные сюжеты освещены в работе К. Шлегеля «Берлин, Восточный вокзал Европы», в частности, эпизод с участием сотрудницы советской контрразведки Софьи Залесской, в 1922 г. получившей задание следить за В.М. Черновым в Берлине и с этой целью устроившейся к нему в дом кухаркой²².

Наиболее подробно подрывная и провокаторская деятельность советских спецслужб против эсеров рассмотрена в монографии К.Н. Морозова «Судебный

¹² Кузьминых А.Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

¹³ Dallin D.J. *Soviet Espionage*. New Haven: Yale University Press, 1955.

¹⁴ Тепляков А.Г. *Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг.* Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. EDN: UNBNFD

¹⁵ Соколов М.В. *Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР.* Москва: Азбуковник, 2011.

¹⁶ Базанов П.Н. *Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья.* Москва: Посев, 2013. С. 235–242. EDN: YGMUMF

¹⁷ Флейшман Л. *В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать.* Москва: Новое литературное обозрение, 2003.

¹⁸ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1976.

¹⁹ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. P. 231–240.

²⁰ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. P. 247–258.

²¹ *The Soviet Secret Police* / edited by S. Wolin, R.M. Slusser. New York: F.A. Praeger, 1957.

²² Шлегель К. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945)* / перевод с немецкого Л. Лисюткиной. Москва: НЛЮ, 2004. С. 417.

процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства»²³. Непосредственно о провокации П.А. Селецкого существуют в основном краткие упоминания, например, во вступлении к главе VII «П.С.–Р. в России, начиная с 1922 г.» сборника документов ПСР под редакцией М. Янсена²⁴ и во вступительной статье к сборнику «Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг.»²⁵. В статье М.В. Соколова²⁶, посвященной аресту остатков эсеровского ЦБ в 1925 году, описан интересный эпизод встречи эсера Е.Е. Колосова с П.А. Селецким в Петрограде в декабре 1923 г., которому «Игорь» (одна из партийных кличек провокатора) показался очень подозрительным.

Таким образом, подробный обзор обстоятельств дела провокатора П.А. Селецкого, внедренного в эсеровские ряды, представляется актуальной задачей.

Провокатор Селецкий в рядах эсеров и его разоблачение

Летом 1924 г. в официальном органе партии социалистов-революционеров – журнале «Революционная Россия» появилось сообщение о том, что Заграничная делегация партии объявляет Петра Александровича Селецкого (он же Игорь, он же Романук) агентом ГПУ и провокатором²⁷.

²³ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). С. 268.

²⁴ Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.–Р / составитель М. Янсен. Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989. С. 268.

²⁵ Голосеева А.А., Морозов К.Н., Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. Документы и материалы / составители А.А. Голосеева, К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2022. С. 57.

²⁶ Соколов М.В. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 131. EDN: PBDIGL

²⁷ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 4–8.

Объявление о провокации П.А. Селецкого в газете «Революционная Россия»
Источник: Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36. С. 4

А началась эта история в конце 1922 г., когда П.А. Селецкий установил довольно тесные связи с эсеровским подпольем в Петрограде.

По имевшимся у заграничных эсеров данным, Петр Александрович Селецкий, внебрачный сын помещика Селецкого из Череповца, в середине 1910-х гг. был арестован и приговорен к 10 годам каторги по делу об экспроприации. На каторге он встретился с известным эсером О.С. Минором, что в дальнейшем дало ему возможность сослаться на это знакомство. В 1917 г. Селецкий вернулся с каторги, а после октябрьского переворота стал сторонником вооруженной борьбы против советской власти. В 1919 г. был арестован в Череповце как руководитель группы около-максималистского толка. По окончании следствия нескольких членов этой группы расстреляли, однако сам Селецкий избежал подобной участи, что дает основания полагать, что именно с этого времени он начал сотрудничать с ЧК. Это подтверждается и массовыми арестами, сопровождавшими его последующие приезды в Череповец, о чем стало известно позднее.

В конце 1922 г. Селецкому удалось установить довольно тесные связи с эсеровским подпольем в Петрограде. В начале 1923 г. он перебрался в Москву, где, воспользовавшись данными ему рекомендациями довольно известных в эсеровской среде лиц, вошел в контакт с членами Центрального бюро партии (ЦБ) и изъявил готовность выполнять партийные задания за границей,

поскольку, по его словам, имел возможности для выезда. В мае 1923 г. ЦБ командировало его в качестве своего представителя на объединительный конгресс Социалистического рабочего интернационала в Гамбурге и поручило наладить связи с Заграничной делегацией (ЗД), расстроенные из-за массовых арестов в Москве²⁸.

В Берлине «Игорь» предъявил мандат ЦБ и был встречен с полным доверием²⁹. Однако вскоре его поведение насторожило некоторых членов ЗД: он откровенно пренебрегал элементарными правилами конспирации; привезенные им шифрованные письма невозможно было прочесть с помощью имевшегося партийного ключа; намекал на предательство некоторых пользующихся безупречной репутацией членов партии; проявлял пристальный интерес к деятельности монархических и других несоциалистических зарубежных организаций. А главное – подозрительными казались его неоднократные и настойчивые требования предоставить ему всю информацию о каналах связи ЗД с Россией, а также адреса и пароли для взаимодействия с однопартийцами, работавшими в стране Советов.

Первое время эсеры надеялись, что все сомнения можно разяснить причинами психологического характера. По этому поводу Чернов, фактический глава ЗД в тот период, писал:

Я тоже склонен теперь думать, что, очевидно, Игорь слишком переутомился на работе, и что ему следовало бы отдохнуть. Иначе из сношений его с заграницей ровно ничего не выйдет. <...> Остается только пожалеть, что единственный человек, которого русские товарищи могли снарядить к нам, так нервно измотан, что через него невозможно встать с Россией в те сношения, которые у нас всегда были³⁰.

В результате, ЗД в Берлине решила не давать

настойчиво просимых им адресов и связей в России и конспиративным образом навести о нем справки, не подавая в то же время Селецкому повода предполагать, что он состоит под подозрением³¹.

²⁸ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 30 апреля 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 378–380.

²⁹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 4.

³⁰ Письмо В.М. Чернова к неустановленному лицу (В.Я. Гуревичу?), без даты // Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection (далее – НИА). Box 9. Folder 5.

³¹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 5.

Вслед за Черновым, с которым «Игорь» имел продолжительную беседу, в информации ему отказали Ф.Е. Махин и С.П. Постников, представлявший Деловое Бюро ЗД в Праге. После этого Селецкий поменял тактику: с «черновцев» он переключился на общение с правым флангом эсеровской эмиграции и стал играть на фракционных разногласиях, пытаясь обострить их.

В рядах эсеров уже давно существовали серьезные идеологические расхождения, фактически расколовшие партию на несколько лагерей и ставшие одной из причин утраты ею лидирующих позиций в 1917 г. Советское руководство также понимало, что Партия социалистов-революционеров уже давно не является сплоченной организацией. В эмиграции в первой половине 1920-х гг. эсеры были условно разделены на четыре «фракции», группировавшиеся вокруг печатных изданий: левые – группа журнала «Воля России»; левоцентристы – группа В.М. Чернова: ЗД и журнал «Революционная Россия»; правоцентристы, объединившиеся вокруг газеты «Дни» А.Ф. Керенского; правые – группа парижского журнала «Современные записки».

На встречах с правыми Селецкий начал критиковать ЗД, поддерживал идею о совместной работе с разными политическими силами в эмиграции, поднимал вопрос о необходимости реорганизации заграничной работы. Все это соответствовало стремлениям правых и правоцентристов, но противоречило общему направлению партийной линии, неуклонно проводимой ЦБ в России до того момента и постоянно транслируемой в письмах к ЗД, вплоть до требования исключения из партии не подчинившихся партийной дисциплине видных правых эсеров Н.Д. Авксентьева и И.И. Фондаминского³².

Чернов и его соратники отнеслись к тесным контактам Селецкого с правыми в обход ЗД без энтузиазма, но не могли полностью исключить того, что подобное поведение связано с его заданием проинспектировать их работу и предложить ЦБ в России меры по повышению ее эффективности.

Чернов предложил «Игорю» приехать к нему в Вандлиц, под Берлином, для обстоятельного разговора и объяснений. Селецкий от встречи уклонился, сославшись на занятость служебно-командировочными делами³³. Тогда Чернов отправил ему письмо, в котором сформулировал все основные вопросы и претензии. В нем в частности говорилось:

Не скрою, что Ваше поведение, остающееся далеко не тайной для довольно обширной партийной периферии, вызывает повсюду немалое

³² Письмо членов ЦК ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 12 января 1921 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 148.

³³ Письмо П.А. Селецкого к В. М. Чернову от 4 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

недоумение. <...> Недоумение вызывает и противоречивость целого ряда Ваших заявлений и действий. <...> Вы начали в Гамбурге разговор со мною с упрека от лица русских товарищей в чрезмерной мягкости и уступчивости по отношению к правым. И ныне Вы, в противоречие к этому, настаиваете на каком-то компромиссе с ними. Чем объяснить это противоречие? <...> Мы ровно ничего не имеем против того, чтобы Вы информировались о нас и нашей деятельности хотя бы у всех правых оппозиционеров, собранных из Берлина, Праги, Парижа и, если имеется, еще из всех других городов. Мы не намерены спорить с ними на почве личных нареканий и принципиально оставляем их без ответа. Наша ставка – на идеи, на принципы, на строгую партийность позиции. Здесь, в эмиграции, ее часто заменяют ставкой на лиц. Мы этой дорогой не пойдем. И мы не верим, чтобы в России от нас хотели этого. Приглашая Вас слушать сколько угодно обиженных партией правых оппозиционеров, мы, однако, рассчитывали найти в Вас достаточно подкованного партийного человека для внесения в эту загранично-эмигрантскую среду оздоравливающего духа партийной выдержанности и принципиальности³⁴.

Селецкий ответил Чернову в снисходительном тоне, упомянув среди прочего малую продуктивность работы ЗД, необходимость ее реорганизации и созыва заграничного общеэсеровского съезда³⁵.

Со своей стороны, правые продолжали не замечать в поведении Селецкого ничего подозрительного, игнорировали предупреждения ЗД, охотно делились с ним своими планами и, конечно, не скупилась на критику «черновцев» перед «доверенным лицом московского ЦБ». В.М. Зензинов, идейно тяготевший к правому крылу и к этому времени уже не входивший в состав ЗД ПСР, снабдил того рекомендательным письмом к знакомому социалисту в Риге, в котором просил его помочь Селецкому установить постоянный канал связи между московскими и берлинскими эсерами. В письме он писал:

Товарищ, который передаст Вам настоящее письмо, был делегирован из Москвы от нашего Центрального бюро на гамбургский международный социалистический конгресс и теперь возвращается обратно (сообщаю Вам об этом строго конфиденциально). Вы оказали бы нашей партии огромную услугу, если бы при помощи Ваших политических связей и знакомств помогли товарищу наладить из Москвы постоянные сношения с Берлином. Обо всех подробностях этого дела он переговорит с Вами лично. Заранее

³⁴ Письмо В.М. Чернова к П.А. Селецкому от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

³⁵ Письмо П.А. Селецкого к В.М. Чернову от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

благодарю Вас за все содействие, которое вы товарищу окажете. Буду рад в свою очередь когда-нибудь оказаться Вам полезным³⁶.

Очевидно, что данное письмо открывало Селецкому возможность контролировать всю переписку между заграничными и российскими эсерами. К счастью для эсеров, этого не произошло, отчасти из-за некоторых случайных обстоятельств, а отчасти из-за предпринятых ЗД предупредительных мер.

Позднее, уже после разоблачения провокатора, вокруг этого инцидента разразился скандал, так как имя Зензинова было упомянуто в сообщении ЗД:

К сожалению, член партии В.М. Зензинов, выбывший из состава З. Д. за несколько месяцев до приезда Селецкого, находя, что последний вполне достоин доверия и что Делегация недостаточно использовала его приезд, счел себя вправе передать С-му на свой личный риск и страх конспиративные связи, известные ему по работе с Загр. Делегацией, и снабдить Сел. для использования этих связей рекомендательным письмом на бланке З. Д., пользоваться которым он утратил право³⁷.

Зензинов счел необходимым публично оправдаться. На страницах газеты «Дни» он выступил с заметкой «Вынужденное объяснение», в которой попытался опровергнуть обвинения в халатности и даже уличить Заграничную делегацию в том, что она дала не совсем точную информацию об этом инциденте в печати. В частности, он отмечал следующее:

Никаких конспиративных связей, известных мне по моей работе в З. Д., я Селецкому не давал, а сообщил один заграничный адрес, который был мне известен по моему личному знакомству с одним из иностранных социалистов; до того этим адресом З. Д. никогда не пользовалась³⁸.

Со стороны ЗД последовал довольно резкий ответ³⁹, в котором уже более подробно и с дополнительными фактами освещалось неосторожное поведение Зензинова. Надо отметить, что подобные пикировки в прессе были весьма характерны для эсеровской эмиграции.

Селецкий уехал обратно в Москву 6 июня 1923 г., а спустя три недели из ЦБ за границу ушло письмо, предписывавшее ЗД в спешном порядке созвать

³⁶ Письмо В.М. Зензинова к Бруно Ролиану от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

³⁷ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 5.

³⁸ Зензинов В. Вынужденное объяснение // Дни. 1924. № 507 (10 июля). С. 1–2.

³⁹ Заявление ЗД ПСР по поводу «вынужденного объяснения» В.М. Зензинова // Революционная Россия. 1924. № 37–38. С. 28–29.

зарубежный съезд эсеровских групп и обсудить на нем причины и пути преодоления идейных и тактических разногласий в эсеровской среде, выработать общие направления партийной работы и реорганизовать ЗД. При этом указывалось, что ЦБ, заслушав доклад, который сделал Селецкий («вернувшийся из-за границы наш представитель на Гамбургском съезде»⁴⁰) о состоянии партийной работы за рубежом, пришло к заключению об отсутствии принципиальных расхождений между ЗД, группой Керенского-Зензинова и другими эсеровскими группировками. А несогласованность действий заграничных групп и отдельных крупных партийных работников объяснялась территориальной разобщенностью живущих за границей товарищей, отсутствием периодических встреч и съездов для выработки общей линии и тактики действий, а также разрывом связи ЗД с ЦБ ПСР⁴¹.

Здесь следует пояснить, что заграничные эсеры в тот момент не совсем понимали, в каком состоянии находились руководящие органы партии в России: ЦК ПСР, избранный на последнем, IV съезде партии в конце 1917 г., практически полностью был арестован и позднее осужден на известном процессе 1922 года. Из оставшихся на свободе эсеров было образовано Центральное организационное бюро, контакты с которым поддерживались заграничными эсерами более или менее регулярно до 1925 г. Однако состав ЦБ ПСР менялся и не всегда был известен заграничным товарищам⁴².

Информация, следовавшая из упомянутого выше письма, о том, что ЦБ функционирует, стала для членов ЗД новостью. В ответном письме В. Чернов сообщал:

С большой радостью прочли под вашим письмом подпись «Ц. Б. партии с.-р.». – Гамб[ургский] представитель говорил, что пока речь идет лишь о возрождении центра в виде «Врем[енного] Орг[анизационного] Бюро»⁴³.

Из наличия такой подписи можно было сделать вывод, что эсерам в России удалось связаться с прежним составом ЦБ и согласовать с ним обновленный состав ЦБ, путем кооптации новых членов или каким-то иным способом, типа

⁴⁰ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 26 июня 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 380.

⁴¹ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 26 июня 1923 г. С. 381.

⁴² Голосеева А.А., Морозов К.Н., Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции. С. 38–40.

⁴³ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 387.

референдума по организациям. Однако это были лишь предположения, и Чернов просил подтвердить эту информацию, чтобы

уметь доказать, что партийное организационное право не нарушено. За границей это очень важно. Оппозиция всегда склонна наемать на самозванство⁴⁴.

В своем письме Чернов остановился и на других смущавших моментах. Больше всего его озадачило заявление об отсутствии каких-либо серьезных идейно-политических и тактических расхождений между левым центром ЗД и правыми. Он уточнял:

Означает ли ваше письмо, что отныне ЦБ меняет этот курс? Если да, то в чем конкретно состоят эти изменения? Одобрены ли они русскими организациями, намечавшими предыдущий курс на двух последних советах партии?⁴⁵

Дополнительно Чернов осторожно высказал свои подозрения в отношении Селецкого.

В ответном письме ЦБ было выражено однозначное мнение, что подозрения в отношении «Гамбургского делегата» они считают необоснованными⁴⁶.

Тем временем в зарубежной эмигрантской среде началась подготовка Первого съезда заграничных эсеровских организаций, в проведении которого были заинтересованы все: и левые эсеры, и правые эсеры, и ГПУ.

Левые и левоцентристы полагали, что съезд может стать важным этапом в консолидации эсеровской эмиграции на единой партийной платформе, положить конец организационной вольнице и окончательно ликвидировать ситуацию, когда «каждый – в прошлом сколько-нибудь крупный эсер – позволял себе как угодно исказить политический лик партии», проводя «безответственную личную и кружковую политику», что давало основания противникам и врагам партии судить о ней как о «партии зигзаг-курсов, случайных и персональных настроений»⁴⁷.

⁴⁴ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 384.

⁴⁵ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 384.

⁴⁶ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 15 сентября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 387–388.

⁴⁷ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 386.

Правые шли на съезд с целью покончить со своим опальным положением в партии, через Заграничный Областной комитет ослабить позиции ЗД и более активно и эффективно проводить свою политическую линию.

Для ГПУ съезд заграничных эсеров также имел немаловажное значение. Поддерживая «буржуазных» правых эсеров, можно было не только сохранять постоянную напряженность в отношениях между двумя основными течениями в заграничной эсеровской среде, но и постепенно добиться ослабления позиции левых, а затем объявить о полном перерождении партии эсеров, об утрате ею «социалистического идеала», об окончательном превращении ее во вспомогательную силу международного империализма. Селецкий, по замыслу ГПУ, мог стать эффективным инструментом влияния на работу и решения Первого съезда заграничных эсеровских организаций.

«Игорь» снова появился в Берлине в конце октября 1923 г. В этот раз он заявил, что кооптирован в состав ЦБ и является его секретарем. Привезенный им мандат⁴⁸ давал право не только на участие в съезде в качестве представителя ЦБ, но и наделял широкими полномочиями по реорганизации всей заграничной работы, в том числе и деятельности ЗД.

Однако доставленные Селецким, якобы от ЦБ, письма и тезисы о взаимных отношениях центрального партийного органа и заграничных организаций ПСР породили новые подозрения. И по содержанию, и по характеру, и по стилю они резко контрастировали как с политической линией партии, так и с нормами эсеровской субкультуры, и даже отступали «от обычной эсеровской терминологии в сторону большевицкой»⁴⁹. Как выяснилось позже, все привезенные Селецким «указания» ЦБ действительно были рождены в недрах ГПУ.

Организационное бюро съезда, куда поступил мандат «Игоря», признало его недостаточным и передало для дальнейшего обследования в специальную комиссию со следующей формулировкой:

1. Принимая во внимание, что ЗД в настоящее время подлинность мандата и лица, указанного в нем, удостоверить не может,
 2. что самый мандат по содержанию своему представляется достаточным для участия на съезде при условии его подлинности, несмотря на то, что вызывают некоторые сомнения употребляемые в нем термины, Оргбюро постановило:
1. запросить определенное заключение ЗД по вопросу о подлинности мандата и благонадежности лица,
 2. окончательное заключение вместе с

⁴⁸ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР и съезду товарищеско-эмигрантов. Москва, 29 сентября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 391.

⁴⁹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 6.

мандатом представить на заключение съезда, сделав ему предложение в срочном порядке создать для этой цели специальную комиссию. Вопрос о посылке визы для означенного лица оставить открытым до решения указанной комиссии⁵⁰.

В результате Оргбюро съезда по согласованию с 3Д решило задержать Селецкого в Берлине и не дать ему возможности присутствовать на съезде, который работал с 15 по 24 ноября 1923 г. в Праге. Таким образом, Селецкий не был допущен к обсуждению многих важных партийных вопросов на указанном партийном собрании, прошедшем в закрытом режиме.

Следует отметить, что атмосфера на заседаниях съезда была весьма напряженная: помимо острых дискуссий по содержательным вопросам, не обошлось и без взаимных обвинений и выяснения личных отношений⁵¹. Вопрос о мандате Селецкого стал поводом для еще одного конфликта между правыми и левыми. А.Ф. Керенский в своем выступлении прозрачно намекнул на то, что «левый» оргкомитет съезда не допустил Селецкого на заседания из политических соображений, опасаясь его заявлений, противоречащих старой линии ЦБ:

И вот, наконец, когда из Москвы от Це-бе приезжает живой человек и на этот раз с иными директивами, на него пытаются набросить тень, его берут под подозрение, заподозривают его личную честь⁵².

Левые депутаты были возмущены, выступили с письменным протестом и добились, чтобы Керенский взял свои слова обратно.

В конце ноября 1923 г. Селецкий возвратился в Россию и продолжил «партийную» работу, результатом которой стали массовые аресты эсеров (в том числе около 200 человек в Поволжье) и разгром эсеровской типографии в Киеве. Кроме того, Селецкий усиленно пропагандировал идею созыва общепартийного съезда уже в России.

⁵⁰ Протокол заседания Оргбюро по созыву съезда 2 ноября 1923 г. Машинопись // International Institute of Social History. PSR Archives. Folder 959. Image 63. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵¹ Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

⁵² Внеочередное заявление съезду депутатов «левой» фракции и ответ А.Ф. Керенского, 22 ноября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 614–615.

После отъезда Селецкого, ЗД приняла решение продолжить расследование по его делу, несмотря на формальную реабилитацию съездом «представителя ЦБ». Для этого была создана еще одна «особая конспиративная комиссия», работавшая в условиях полной секретности⁵³. Комиссия работала пять месяцев, для сбора сведений были даже организованы несколько поездок по России.

Первый серьезный прорыв в расследовании произошел после того, как один бывший эсер в России (он упоминается как «Б.») признался своим товарищам в том, что был завербован и являлся осведомителем ГПУ. Он рассказал о своем участии в масштабной схеме провокаций ГПУ против партии эсеров, в том числе за границей, которыми руководил его «куратор» – И.Ф. Решетов. Немаловажной частью этой схемы был Селецкий, хотя Б. не знал его лично и даже не сразу понял, что тот является сотрудником ГПУ.

Б. также был командирован Решетовым за границу с поручением

установить самую тесную связь с членами З. Д., стремясь внушить им доверие к солидности настоящего состава ЦБ, в состав которого вошел Селецкий, а в своих рассказах о положении в России сообразоваться с тем, что будет говорить последний⁵⁴.

Кстати, Б. пролил свет и на привезенный Селецким на съезд в Прагу, «возбудивший сомнение Организационного Бюро съезда документ с большевицкой фразеологией»⁵⁵: он был своеобразным предметом гордости Решетова, лично сочинившего тезисы о взаимных отношениях ПСР в России с заграничной организацией. Наконец, Б. подтвердил, что после съезда бывших эсеров в марте 1923 г.⁵⁶ в недрах ГПУ возникла идея созыва реального подпольного общероссийского съезда эсеров с целью внедрения в оставшиеся эсеровские партийные организации максимального числа агентов-провокаторов и окончательного разложения данной партии.

Эпизод, поставивший окончательную точку в деле провокатора, произошел в Москве. Человек, знающий Селецкого в лицо, увидел его на улице с накладными усами и бородой и проследил за ним. Выяснилось, что Селецкий, загримировавшись, чтобы остаться незамеченным, приходил на квартиру коммуниста Ломова, помощника Решетова. После этого сомнений не осталось,

⁵³ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 6.

⁵⁴ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 8.

⁵⁵ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 7.

⁵⁶ Доклад И. Решетова о съезде бывших эсеров. 22 марта 1923 г. // Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / составители А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва: МФД; Материк, 2007. С. 476–478.

и «Революционная Россия» выступила с открытым заявлением о раскрытии провокации.

Заключение

Структуры, созданные советскими секретными службами для работы по разложению российской политической эмиграции, оказались довольно эффективными. Умело используя метод провокации и внедрения в ряды зарубежных организаций своих агентов, советская власть смогла обезвредить не только правые и монархические группы за границей и внутри страны, но и нанести существенный ущерб лево-демократическим партиям и движениям, включая эсеров.

Даже один конкретный эпизод, связанный с провокаторской работой Селецкого, имел для остатков ПСР в России крайне разрушительные последствия: «создалось почти безвыходное положение, центр оказался изолирован от периферии, а местные группы одна от другой»⁵⁷. Это была и очередная организационная катастрофа: действовавший состав ЦБ приостановил работу и распустил личный состав. Встала необходимость в очередной раз, в почти невозможных условиях, формировать ЦБ из остатков партийцев. Эсерам в эмиграции становилось все труднее осуществлять контакты с товарищами в Советской России, и несколько позднее, на II съезде Заграничных организаций ПСР в 1928 г. в Париже было признано, что они имеют лишь случайный характер⁵⁸.

Несмотря на то, что не все задачи провокатора Селецкого были выполнены, он сумел внести дополнительный разлад в и так идейно разобщенные ряды заграничных эсеров, хотя формально организационное единство партии было временно сохранено.

Зарубежные эсеры так и не смогли найти адекватного «противоядия» работе советских спецслужб: их внутрипартийные расследования не имели большого успеха, и только случай и чутье опытных революционеров, таких как Чернов, имевших за плечами многолетний опыт конспиративной деятельности, помогли выявить провокатора.

Сотрудники Секретного отдела ГПУ могли считать успехом своей спецоперации даже само разоблачение провокатора Селецкого: смятение, разброд и вспышки взаимной подозрительности в рядах зарубежных

⁵⁷ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 19 сентября 1924 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 392–393.

⁵⁸ Протокол первого заседания Второго съезда заграничных организаций ПСР в Париже, 29 апреля 1928 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 642.

социалистов негативно отразились на работоспособности организации. Партия эсеров, имевшая травматичный опыт провокации Азефа, очень болезненно переносила все инциденты, связанные с предательством в своих рядах. Очередные поиски провокатора после волны арестов остатков российских эсеров в 1925 г. спровоцировали раскол уже в самой ЗДПСР и в конечном счете привели к постепенному угасанию эсеровской партийной работы в эмиграции.

Introduction

Soviet special services began conducting counterintelligence and subversive work against all Russian political associations in exile, ranging from monarchists to socialists, from the moment those groups emerged. The geographical scope of their operational activities stretched across vast territories from China to France.

By the summer of 1920, Bolshevik intelligence residencies attached to the diplomatic and trade missions of the RSFSR had been established in several foreign countries. The work of the residencies was directed by the Foreign Department (the INO VChK), which initially operated within the Cheka's Special Department and became an independent structural unit at the end of 1920. One of the tasks assigned to it was to obtain intelligence and secret documentary information concerning the activities of émigré anti-Bolshevik organizations and their connections inside Russia.

At the beginning of 1922, following the reorganization of the Cheka, the INO continued its operations as part of the GPU's Secret Operational Directorate, where it was joined by the newly formed Secret Department. According to its statute, the Secret Department was "responsible for and directed the struggle against anti-Soviet parties, political groups, and organizations."¹

Almost everywhere where émigré communities emerged, Soviet special services placed active Russian public and political leaders under surveillance. The Soviet leadership received regular reports on all significant developments related to political emigration. As researcher B. Strukov observed in his work,

Virtually all programmatic and statutory documents of any organization or movement of particular significance were obtained; the movements, contacts, and public appearances of emigration leaders were meticulously recorded; and their personal correspondence was brought under control wherever possible.²

The special services stood ready to suppress any activity by the emigration that was considered a potential threat to Soviet Russia. Moreover, operational measures were carried out using both legal and illegal methods: suffice it to recall the high-profile cases involving the abduction of the ROVS (Russian All-Military Union) leaders, generals A. Kutepov and E. Miller, in the 1930s.³ The OGPU not only

¹ A.I. Kokurin, and N.V. Petrov, "The GPU–OGPU (1922–1928)" [in Russian], *Svobodnaya mysl'*, no. 7 (1997): 112.

² B.G. Strukov, "The OGPU's Struggle against Russian Political Emigration" [in Russian], in *Historical Readings at Lubyanka, 1999. Russian Special Services in the 1920s–1930s: A Collection*, comp. V.M. Komissarov (Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2000), 67.

³ V.I. Goldin, *Generals Were Abducted in Paris. Russian Military Diaspora and Soviet Special Services in the 1930s* [in Russian] (Moscow: RISI, 2016), EDN: WYZUFX

engaged in the elimination of political opponents but also exerted influence on political processes in the countries of the Russian diaspora. For instance, the expulsion from Bulgaria in 1922–23 of several active figures of the Russian military emigration by the government of Alexander Stamboliiski was largely initiated by the Chekists.⁴

Members of the Socialist Revolutionary Party in emigration also became the focus of close attention by the INO VChK. In the spring of 1921, the department began receiving rather detailed information about the Socialist Revolutionary emigration from its foreign agents.

From the end of December 1922, the third section of the Secret Department, which dealt directly with the Socialist Revolutionaries, was headed by I. Reshetov, a former Socialist Revolutionary himself who had entered the service of the Cheka in 1920.⁵

The activities of the GPU's foreign residency assumed particularly significant proportions in connection with the preparation and conduct of the trial of members of the Socialist Revolutionary Party (SRP) in 1922.⁶ According to the Socialist Revolutionaries' own estimates, the Bolsheviks sent an additional forty people from Russia to Prague, Paris, and Berlin to spy on the SRP members during this period.⁷

Information about the foreign Socialist Revolutionaries, those who were already experiencing a serious organizational and ideological crisis at the time, was skillfully exploited by various GPU structures in a propaganda campaign aimed at discrediting of the Socialist Revolutionary Party and eliminating it once and for all as a political force. Intercepted documents were selectively published in the Soviet press to demonstrate the anti-Soviet essence of the former comrades-in-arms and to illustrate the decay and degeneration of the Socialist Revolutionary emigration.

For example, the case involving the publication of documents from the archive of the Administrative Center of the Non-Party Association caused significant excitement. These documents were stolen by the Bolsheviks with the help of émigré monarchists from the editorial office of the Socialist Revolutionary newspaper *Pour la Russie* published by A. Kerensky in Paris.⁸ The content of these documents was

⁴ R. Tempest, "A Land of Kindred Intellectuals: Russian Émigrés in Bulgaria during the Early Post-Revolutionary Years" [in Russian], *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4 (2020): 120–21, <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCIHBJ

⁵ Kokurin, Petrov, *The GPU–OGPU (1922–1928)*, 116.

⁶ K.N. Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Struggle* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005), 258–74, EDN: QWOXNB

⁷ Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries*, 259.

⁸ E.I. Frolova, "The Administrative Center of the Emigrant Non-Party Association and the Kronstadt Uprising of 1921" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 9 (2007): 33–49, EDN: IBCYIVA

used by the Bolsheviks as additional prosecutorial evidence during the 1922 trial of the Socialist Revolutionaries, which took place in Moscow.⁹

Somewhat earlier, a scandal broke out that did little to enhance the reputation of the Socialist Revolutionary Party. It was connected to the publication of an intercepted letter from Viktor M. Chernov to the SRP Central Committee in the Soviet newspaper *Izvestiya*. The letter addressed the intra-party frictions among the Socialist Revolutionaries in emigration and contained rather unflattering remarks about representatives of the party's "right wing."¹⁰ The publication of this correspondence was accompanied by an editorial preface bearing the characteristic title "In a World of Abomination and Desolation."¹¹

Another tried-and-tested method employed by the GPU was the infiltration of provocateurs into foreign political groups. This article is devoted to a rather high-profile episode connected with the exposure of provocateur P. Seletskii, who worked quite successfully within the Socialist Revolutionary milieu both in Russia and in emigration for the period of approximately two years.

A considerable amount of works has been published on the work of the Soviet security authorities in undermining and decapitating anti-Bolshevik resistance in emigration.¹²

One of the first scholars to describe the work of Soviet agents abroad was David Dallin. The well-known Menshevik referred to this topic in his book *Soviet Espionage*.¹³ Data on the structure and methods of the OGPU's agent-operational activities are examined in A. Teplyakov's monograph *The Terror Machine*.¹⁴ Descriptions of special services' operations to neutralize specific émigré organizations are contained in the works of M. Sokolov,¹⁵ P. Bazanov,¹⁶ L. Fleishman,¹⁷ etc.

⁹ M. Jansen, *A Show Trial under Lenin: The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922* [in Russian], trans. E.A. Il'zen-Grin, G.L. Grin, and F.E. Apanasenko (Moscow: Vozvrashchenie, 1993), 116–20.

¹⁰ "Letter from V.M. Chernov to the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party" [in Russian], *Izvestiya*, no. 119 (1262), June 2, 1921, 2.

¹¹ Yu. Steklov, "In a World of Abomination and Desolation" [in Russian], *Izvestiya*, no. 119 (1262), June 2, 1921, 1.

¹² A.L. Kuz'minykh, "The Internal Affairs Agencies of the Soviet State in the Period of Stalinism in the Context of Russian Historiography," *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 146–211, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

¹³ D.J. Dallin, *Soviet Espionage* (New Haven: Yale University Press, 1955).

¹⁴ A.G. Teplyakov, *The Terror Machine: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008).

¹⁵ M.V. Sokolov, *The Temptation of Activism. Russian Republican Democratic Emigration of the 1920s–1930s and the OGPU of the USSR* [in Russian] (Moscow: Azbukovnik, 2011).

However, the activities of the GPU's Foreign and Secret Departments aimed directly against the anti-Bolshevik democratic political opposition (the Mensheviks, the Socialist Revolutionaries, etc.) belonging to the Russian emigration in the 1920s have not received much coverage in the historical literature yet. This issue is addressed in two sections of L. Gerson's work *The Secret Police in Lenin's Russia*,¹⁸ namely "The Secret Police Abroad,"¹⁹ and "The Secret Police and the Political Opposition,"²⁰ as well as in the collection *The Soviet Secret Police*.²¹ Certain episodes are covered in K. Schlögel's book *Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert*, particularly the episode involving Sofia Zalesskaya, an employee of Soviet counterintelligence. In 1922, she was assigned a task to watch V. Chernov in Berlin and for that purpose obtained a job as a cook in his household.²²

Subversive and provocateur activities of the Soviet special services against the Socialist Revolutionaries are examined in the greatest detail in K. Morozov's monograph *The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–26): Ethics and Tactics of Struggle*.²³ Regarding the provocation of Pyotr Seletskii, there are mostly brief mentions, for example, in the introduction to Chapter VII "The SRP in Russia, Beginning in 1922" of the collection of SRP documents *The Socialist Revolutionary Party after the October Coup of 1917. Documents from the Archive of the P.S.R.* compiled by M. Jansen²⁴ and in the introductory article to the collection *The Socialist Revolutionary Party in Emigration. 1918 – Early 1950s. Documents and Materials*.²⁵ An article by M. Sokolov,²⁶ devoted

¹⁶ P.N. Bazanov, *The Brotherhood of Russian Truth, the Most Mysterious Organization of the Russian Diaspora* [in Russian] (Moscow: Posev, 2013), 235–42, EDN: YGMUMF

¹⁷ L. Fleishman, *In the Grip of Provocation. Operation "Trust" and the Russian Émigré Press* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003).

¹⁸ L.D. Gerson, *The Secret Police in Lenin's Russia* (Philadelphia: Temple University Press, 1976).

¹⁹ Gerson, *The Secret Police*, 231–40.

²⁰ Gerson, *The Secret Police*, 247–58.

²¹ S. Wolin, and R.M. Slusser, eds., *The Soviet Secret Police* (New York: F.A. Praeger, 1957).

²² K. Schlögel, *Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert* [in Russian], trans. L. Lisutkina (Moscow: NLO, 2004), 417.

²³ Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries*, 268.

²⁴ M. Jansen, comp., *The Socialist Revolutionary Party after the October Coup of 1917. Documents from the Archive of the P.S.R.* [in Russian] (Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989), 268.

²⁵ A.A. Goloseyeva, K.N. Morozov, and A.Yu. Suslov, "The Socialist Revolutionaries in the Last Years of Emigration" [in Russian], in *The Socialist Revolutionary Party in Emigration. 1918 – Early 1950s. Documents and Materials*, comp. A.A. Goloseyeva, K.N. Morozov, and A.Yu. Suslov (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2022), 57.

²⁶ M.V. Sokolov, "Failure of the SR Central Bureau in Leningrad" [in Russian], *Rodina*, no. 7 (2012): 131, EDN: PBDIGL

to the arrest of the remnants of the Socialist Revolutionary Central Bureau in 1925, describes an interesting episode of a meeting between Socialist Revolutionary E. Kolosov and P. Seletskii in Petrograd in December 1923, in which “Igor” (one of the party code names of the provocateur) seemed highly suspicious.

Thus, a detailed review of the circumstances of the case of the provocateur P. Seletskii, who was infiltrated into the Socialist Revolutionary ranks, seems to be quite a relevant task.

Provocateur Pyotr Seletskii in the ranks of the Socialist Revolutionaries and his exposure

In the summer of 1924, a report appeared in the official organ of the Party of Socialist Revolutionary Party, its periodical *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], stating that the Foreign Delegation of the party declared Pyotr Aleksandrovich Seletskii (also known as Igor and Romanuk) to be an agent of the GPU and a provocateur.²⁷

Announcement of the provocation by P. Seletskii in the newspaper *Revolyutsionnaya Rossiya*

Source: “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, 1924, 4–8

This story began at the end of 1922, when Seletskii established rather close ties with the Socialist Revolutionary underground in Petrograd.

²⁷ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 4–8.

According to the information available to the Socialist Revolutionaries in exile, Pyotr Aleksandrovich Seletskii, an illegitimate son of the landowner Seletskii from Cherepovets, was arrested and sentenced to ten years of hard labor in the mid-1910s on charges of expropriation. In hard labor, he met O. Minor, a well-known Socialist Revolutionary. This fact later allowed him to refer to this acquaintance. In 1917, Seletskii returned from hard labor and became a supporter of armed struggle against Soviet power after the October coup. In 1919, he was arrested in Cherepovets as the leader of a group of near-maximalist persuasion. After the investigation, several members of this group were shot. Seletskii escaped such a fate, which suggests that it was from this time that he began cooperating with the Cheka. It was also confirmed by the mass arrests that accompanied his subsequent visits to Cherepovets, which became known later.

At the end of 1922, Seletskii managed to establish rather close ties with the Socialist Revolutionary underground in Petrograd. At the beginning of 1923, he moved to Moscow. There, using recommendations given to him by the persons quite well known in Socialist Revolutionary circles, he contacted members of the Central Bureau of the party (the CB) and expressed his willingness to carry out party assignments abroad, since he had the means to travel, according to him. In May 1923, the CB sent him as its representative to the unification congress of the Socialist Workers' International in Hamburg and instructed him to establish ties with the Foreign Delegation (the FD), which had been disrupted due to mass arrests in Moscow.²⁸

In Berlin, "Igor" presented his CB mandate and was received with complete trust.²⁹ However, his behavior soon alarmed some members of the Foreign Delegation. He openly neglected the elementary rules of conspiracy; the coded letters he brought could not be deciphered using the existing party key; he hinted at the betrayal of certain party members with impeccable reputations; he showed a keen interest in the activities of monarchist and other non-socialist foreign organizations. And most importantly, suspicious seemed his repeated and persistent demands to be provided with all information about the FD's channels of communication with Russia as well as addresses and passwords for interacting with party comrades working in the country of the Soviets.

At first, the Socialist Revolutionaries hoped that all doubts could be explained by psychological reasons. On this matter, Viktor Chernov, the de facto head of the Foreign Delegation at that time, wrote:

²⁸ "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, April 30, 1923" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 378–80.

²⁹ "Unmasking the Provocation" [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 4.

I am also now inclined to think that, obviously, Igor has become too overworked and that he should rest. Otherwise, nothing will come of his dealings with the abroad . . . One can only regret that the only person whom our Russian comrades could send to us is so nervously exhausted that it is impossible to establish the kind of relations with Russia that we always had through him.³⁰

As a result, the Foreign Delegation in Berlin decided not to give him,

any addresses and contacts in Russia that he persistently requested and to make inquiries about him in a conspiratorial manner, at the same time giving Seletskii no reason to believe that he was under suspicion.³¹

Following Chernov, with whom “Igor” had a lengthy conversation, F. Makhin and S. Postnikov, who represented the Business Bureau of the FD in Prague, also refused to provide any information to him. After this, Seletskii changed his tactics. He switched from communicating with the circle of V. Chernov to communicating with the right wing of the Socialist Revolutionary emigration and began to play on factional disagreements, trying to further exacerbate them.

Serious ideological differences had long existed within the Socialist Revolutionary ranks, effectively splitting the party into several camps and becoming one of the reasons for its loss of leading positions in 1917. The Soviet leadership also understood that the Socialist Revolutionary Party had long ceased to be a cohesive organization. In emigration in the first half of the 1920s, the Socialist Revolutionaries were conditionally divided into four “factions” grouped around certain periodicals: the left faction, the group of the magazine *Volya Rossii*; the left centrists, the group of V. Chernov including the Foreign Delegation and the magazine *Revolutsionnaya Rossiya*; the right-centrists, the group associated with A. Kerensky’s newspaper *Dni*; the right faction, the group associated with the Parisian journal *Sovremennye Zapiski*.

In his meetings with the right faction, Seletskii began to criticize the FD, supported the idea of joint work with various political forces in emigration, and raised the issue of the need to reorganize foreign work altogether. All of this aligned with the aspirations of the right and right-centrists but contradicted the general direction of the party line consistently pursued by the CB in Russia up to that point and constantly transmitted in letters to the FD, including the demand to expel prominent right-wing

³⁰ “Pis'mo V.M. Chernova k neustanovlennomu litsu (V.Ya. Gurevichu?), bez daty” [Letter from V.M. Chernov to an Unidentified Person (V.Ya. Gurevich?), undated]. Nicolaevsky (Boris I.) Collection, box 9, folder 5, Hoover Institution Archives (HIA), Stanford CA, USA.

³¹ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 5.

Socialist Revolutionaries N. Avksent'ev and I. Fondaminskii from the party for failing to submit to party discipline.³²

Chernov and his associates viewed Seletskii's close contacts with the rightists, bypassing the Foreign Delegation, without enthusiasm. Nevertheless, they could not completely rule out the possibility that such behavior was related to his assignment to inspect their work and propose measures to the CB in Russia to improve its effectiveness.

Chernov suggested that "Igor" come to him in Wandlitz, north of Berlin, for a thorough conversation and explanation. Seletskii avoided the meeting, citing being busy with official travel matters.³³ Chernov then sent him a letter in which he formulated all the main questions and complaints. Among other things, it stated:

I will not pretend that your behavior, which is far from being a secret to a rather large party periphery, does not cause considerable bewilderment everywhere. . . . The inconsistency of a number of your statements and actions also causes bewilderment. . . You began a conversation with me in Hamburg with a reproach on behalf of our Russian comrades about excessive softness and condescension towards the right wing of the party. And now you, in contradiction to this, insist on some kind of compromise with them. How can this contradiction be explained? . . . We have absolutely nothing against you receiving information about us and our activities, even from all the right-wing oppositionists gathered from Berlin, Prague, Paris, and, if available, from all other cities. We do not intend to argue with them on the basis of personal accusations and we fundamentally leave them unanswered. Our stake is on ideas, on principles, on a strict party stance. Here, in emigration, it is often replaced by a stake on individuals. We will not go down that road. And we do not believe that in Russia they want this from us as well. While inviting you to listen as much as you like to right-wing oppositionists who feel wronged by the party, we nevertheless expected to find in you a sufficiently experienced party person to introduce into this foreign émigré environment the healing spirit of party discipline and principle.³⁴

³² "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, January 12, 1921" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 148.

³³ "Pis'mo P.A. Seletskogo k V.M. Chernovu ot 4 iyunya 1923 g." [Letter from P.A. Seletskii to V.M. Chernov as of June 4, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

³⁴ "Pis'mo V.M. Chernova k P.A. Seletskomu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from V.M. Chernov to P.A. Seletskii as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

Seletskii replied to Chernov in a rather condescending tone, mentioning among other things the low productivity of the FD's work, the need for its reorganization, and the urgency of convening a foreign all-Socialist Revolutionary congress.³⁵

For their part, the right faction continued to see nothing suspicious in Seletskii's behavior, ignored the FD's warnings, willingly shared their plans with him, and, of course, were not sparing in their criticism of Chernov's devotees before the "confidant of the Moscow CB." Vladimir Zenzinov, who ideologically gravitated toward the right wing and at that time was no longer a member of the FD of the SRP, provided him with a letter of recommendation to an acquaintance socialist in Riga, in which he asked him to help Seletskii establish a permanent channel of communication between the Socialist Revolutionaries in Moscow and Berlin. In the letter, he wrote:

The comrade who will deliver this letter to you was delegated by our Central Bureau from Moscow to the Hamburg International Socialist Congress and is now returning back to Moscow (I am telling you this strictly confidentially). You would render our party a great service if, with the help of your political connections and acquaintances, you helped the comrade establish permanent communication links between Moscow and Berlin. He will discuss all the details of this matter with you personally. Thank you in advance for any assistance you may provide to the comrade. I will, in turn, be glad to be of use to you someday.³⁶

It is obvious that for Seletskii, this letter opened up the opportunity to control all correspondence between foreign and Russian Socialist Revolutionaries. Fortunately for the Socialist Revolutionaries, this did not happen, partly due to some accidental circumstances and partly due to the precautionary measures taken by the FD.

Later, after the exposure of the provocateur, a scandal broke out around this incident, as Zenzinov's name was mentioned in the FD's report. It stated the following:

Unfortunately, V.M. Zenzinov, a party member who had left the FD a few months before Seletskii's arrival, finding that the latter was quite worthy of trust and that the Delegation had not made sufficient use of his arrival, considered himself entitled to hand over to S., at his own personal risk and peril, conspiratorial connections known to him from his work with the Foreign

³⁵ "Pis'mo P.A. Seletskogo k V.M. Chernovu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from P.A. Seletskii to V.M. Chernov as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

³⁶ "Pis'mo V.M. Zenzinova k Bruno Rolianu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from V.M. Zenzinov to Bruno Rolian as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

Delegation, and to provide S. with a letter of recommendation on the letterhead of the FD, which he had lost the right to use.³⁷

Zenzinov found it necessary to publicly justify himself. On the pages of the newspaper *Dni*, he published a piece entitled “A Forced Explanation,” in which he attempted to refute the accusations of negligence and even accused the Foreign Delegation of providing inaccurate information about this incident in the press. In particular, he noted:

I provided Seletskii with no conspiratorial connections known to me from my work in the FD; I only gave him one foreign address that was known to me through my personal acquaintance with one of the foreign socialists; the FD had never used this address before.³⁸

A rather sharp response followed from the FD,³⁹ which set out Zenzinov’s careless behavior in greater detail and with additional facts. It should be noted that such squabbling in the press was quite characteristic of the Socialist Revolutionary emigration.

Seletskii left for Moscow on 6 June 1923. Three weeks later a letter was sent from the CB abroad, instructing the FD to urgently convene a foreign congress of Socialist Revolutionary groups to discuss the causes and ways of overcoming ideological and tactical disagreements within the Socialist Revolutionary environment, to work out common directions for party work, and to reorganize the FD. At the same time, it was pointed out that having heard the report made by Seletskii (“our representative who returned from abroad from the Hamburg Congress”) on the state of party work abroad,⁴⁰ the CB had concluded that there were no fundamental disagreements between the FD, the Kerensky–Zenzinov group, and other Socialist Revolutionary groupings. The lack of coordination in the actions of foreign groups and individual leading party workers was explained by the geographical separation of comrades living abroad, the lack of periodic meetings and congresses to develop a common line

³⁷ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 5.

³⁸ V. Zenzinov, “A Forced Explanation” [in Russian], *Dni*, no. 507, July 10, 1924, 1–2.

³⁹ “Statement of the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party Regarding V.M. Zenzinov’s ‘Forced Explanation’” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 37–38, 1924, 28–29.

⁴⁰ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, June 26, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 380.

and tactics of action, and the breakdown of communication between the FD and the CB of the Socialist Revolutionary Party.⁴¹

It should be explained here that the foreign Socialist Revolutionaries at that time did not fully understand the state of the party's leading bodies in Russia. Almost all members of the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party elected at the last, Fourth, Party Congress at the end of 1917, had been arrested by that time and later convicted at the well-known trial of 1922. The Central Organizing Bureau was formed from the Socialist Revolutionaries who remained at large. The foreign Socialist Revolutionaries maintained more or less regular contact with the bureau until 1925. However, the composition of the CB of the Socialist Revolutionary Party changed and was not always known to the foreign comrades.⁴²

The information contained in the aforementioned letter, that the CB was functioning, came as news to the members of the FD. In a response letter, V. Chernov reported:

It was with great joy that we read the signature “the CB of the SRP” under your letter. – The Hamburg representative said that so far it was only a question of the revival of the center in the form of “Prov[isional] Org[anizing] Bureau.”⁴³

From the presence of such a signature, one could conclude that the Socialist Revolutionaries in Russia had managed to contact the former composition of the CB and to agree with it on its renewed composition, either by co-opting new members or in some other way, such as a referendum of the organizations. However, these were only assumptions, and Chernov asked to confirm this information so that he would

be able to prove that party organizational law has not been violated. This is very important abroad. The opposition is always inclined to hint at imposture.⁴⁴

In his letter, Chernov also touched upon other disturbing points. What puzzled him most was the statement about the absence of any serious ideological-political and tactical differences between the left center of the FD and the right. He asked:

⁴¹ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, June 26, 1923,” 381.

⁴² Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 38–40.

⁴³ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 387.

⁴⁴ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 384.

Does your letter mean that from now on the CB is changing this course? If so, what exactly do these changes consist of? Have they been approved by the Russian organizations that outlined the previous course at the last two councils organized by the party?⁴⁵

Additionally, Chernov cautiously expressed his suspicions regarding Seletskii.

In a response letter, the CB expressed the unambiguous opinion that they considered the suspicions about the “Hamburg delegate” to be groundless.⁴⁶

Meanwhile, in the foreign émigré environment, preparations began for the First Congress of Foreign Socialist Revolutionary Organizations, in which everyone was interested: the left Socialist Revolutionaries, the right Socialist Revolutionaries, and the GPU.

The leftists and left-centrists believed that the congress could become an important stage in the consolidation of the Socialist Revolutionary emigration on a common party platform, put an end to organizational lawlessness, and finally eliminate the situation where “every prominent in his past Socialist Revolutionary would be allowed to distort the political face of the party as he pleased,” pursuing “irresponsible personal and circle politics,” which gave opponents and enemies of the party grounds to judge it as a “party of zigzag courses, of accidental and personal moods.”⁴⁷

The rightists came to the congress with the aim of putting an end to their disgraced position in the party, weakening the FD’s position through the Foreign Regional Committee, and pursuing their own political line more actively and effectively.

For the GPU, the congress of foreign Socialist Revolutionaries was also of considerable importance. By supporting the “bourgeois” right-wing Socialist Revolutionaries, it was possible not only to maintain constant tension in the relations between the two main currents in the foreign Socialist-Revolutionary environment but also to gradually weaken the position of the left, and then declare the complete degeneration of the Socialist Revolutionary Party, its complete loss of the “socialist ideal,” and its final transformation into an auxiliary force of international imperialism. And Seletskii, according to the GPU’s plan, could in this situation become an effective instrument for influencing the work and decisions of the First Congress of Foreign Socialist Revolutionary Organizations.

⁴⁵ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 384.

⁴⁶ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, September 15, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 387–88.

⁴⁷ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 386.

“Igor” reappeared in Berlin at the end of October 1923. This time he announced that he had been co-opted into the CB and was its secretary. The mandate he brought gave him not only the right to participate in the congress as a representative of the CB but also endowed him with broad powers to reorganize all foreign work, including the activities of the FD.⁴⁸

Nevertheless, the letters and theses on mutual relations between the central party organ and the foreign organizations of the SRP delivered by Seletskii, allegedly from the CB, gave rise to new suspicions. Both in content, character, and style, they contrasted sharply with both the party’s political line and the norms of the Socialist Revolutionary subculture, and even deviated “from the usual Socialist-Revolutionary terminology towards Bolshevik terminology.”⁴⁹ As it later turned out, all of these “instructions” of the CB brought by Seletskii were indeed born in the bowels of the GPU.

The Organizing Bureau of the Congress, which received “Igor’s” mandate, recognized it as insufficient and referred it for further investigation to a special commission with the following wording:

(1) Taking into account that the FD cannot currently verify the authenticity of the mandate and the person specified therein; (2) that the mandate itself, in terms of its content, appears sufficient for participation in the congress, provided that it is authentic, despite the fact that some of the terms used in it raise certain doubts, the Organizing Bureau resolved: (1) to request a definite opinion from the FD on the question of the authenticity of the mandate and the reliability of the person; (2) to submit the final opinion together with the mandate to the congress for its conclusion, proposing that it urgently establish a special commission for this purpose. The question of issuing a visa for the said person shall remain open pending the decision of the said commission.⁵⁰

As a result, the Organizing Bureau of the Congress, in agreement with the FD, decided to detain Seletskii in Berlin and not allow him to attend the congress, which

⁴⁸ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party and the Congress of Comrade Emigrants. Moscow, September 29, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 391.

⁴⁹ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 6.

⁵⁰ “Protokol zasedaniya Orgburo po sozyvu s"ezda 2 noyabrya 1923 g. Mashinopis” [Minutes of the meeting of the Organizing Bureau for the convocation of the congress, November 2, 1923. Typescript]. Folder 959, image 63. PSR Archives. International Institute of Social History (IISH), accessed August 1, 2024, <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935>

took place from November 15 to November 24, 1923 in Prague. Thus, Seletskii was not allowed to participate in the discussion of many important party issues at that party meeting, which was held as a closed session.

It should be noted that the atmosphere at the congress sessions was very tense. In addition to heated discussions on substantive issues, there were mutual accusations and personal score-settling.⁵¹ The question of Seletskii's mandate became the cause of yet another conflict between the right and the left. In his speech, A. Kerensky clearly hinted that the "left" organizing committee of the congress had not allowed Seletskii to attend the sessions for political reasons, fearing his statements, which contradicted the old line of the CB:

And so, finally, when an actual human being arrives from Moscow from the CB, this time with different directives, an attempt is made to cast a shadow over him, he is taken under suspicion, his personal honor is being questioned.⁵²

The left delegates were indignant, filed a written protest, and succeeded in forcing Kerensky to retract his words.

At the end of November 1923, Seletskii returned to Russia and continued his "party" work, the result of which was the mass arrest of Socialist Revolutionaries (including about 200 people in the Volga region) and the destruction of a Socialist Revolutionary printing house in Kiev. In addition, Seletskii vigorously propagated the idea of convening an all-party congress in Russia.

After Seletskii's departure, the FD decided to continue the investigation into his case despite the formal rehabilitation of the "CB representative" by the congress. For that purpose, another "special conspiratorial commission" was established, which worked under conditions of complete secrecy.⁵³ The commission worked for five months. There even were several trips to Russia aimed at gathering information.

The first serious breakthrough in the investigation occurred after a former Socialist Revolutionary in Russia (referred to as B.) confessed to his comrades that he had been recruited and was an informant of the GPU. He spoke about his participation in a large-scale scheme of GPU provocations against the Socialist Revolutionary Party,

⁵¹ A.A. Goloseyeva, "'We Are Barbarians to Each Other': The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Prague (1923) and an Attempt of Organizational Consolidation" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 484 (2022): 88–100, <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

⁵² "Extraordinary Statement to the Congress of Deputies of the 'Left' Faction and the Response of A.F. Kerensky, November 22, 1923" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 614–15.

⁵³ "Unmasking the Provocation" [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 6.

including abroad, which was directed by his “handler” I. Reshetov. Seletskii was an important part of the scheme, although B. did not know him personally and did not even immediately realize that he was a GPU employee.

B. was also sent abroad by Reshetov with the assignment

to establish the closest possible contact with the members of the FD, trying to instill in them confidence in the solidity of the current composition of the CB, of which Seletskii had become a member, and in his stories about the situation in Russia to conform to what the latter would say.⁵⁴

Incidentally, B. also shed light on the document that Seletskii had brought to the congress in Prague, “which had raised doubts in the Organizing Bureau of the Congress and had Bolshevik phraseology.”⁵⁵ It was a kind of object of pride for Reshetov, who personally wrote the theses on the mutual relations of the SRP in Russia with the foreign organization. Finally, B. confirmed that after the congress of former Socialist Revolutionaries in March 1923,⁵⁶ the idea arose within the GPU of convening a real all-Russian underground congress of Socialist Revolutionaries with the aim of infiltrating the remaining Socialist Revolutionary organizations with the maximum possible number of agent provocateurs and finally destroying the party.

The episode that put the final point in the provocateur’s case occurred in Moscow. A person who knew Seletskii by sight saw him in the street wearing a fake moustache and beard and followed him. It turned out that wearing disguise to remain unnoticed, Seletskii had come to the apartment of communist Lomov, Reshetov’s assistant. After that, no doubts remained and the newspaper *Revolutsionnaya Rossiya* issued an open statement about the exposure of the provocation.

Conclusion

The structures created by the Soviet secret services to undermine the Russian political emigration proved to be quite effective. By skillfully using the method of provocation and infiltrating their agents into the ranks of foreign organizations, the Soviet authorities were able not only to neutralize the right-wing and monarchist groups abroad and within the country but also to inflict significant damage on the left-democratic parties and movements, including the Socialist Revolutionaries.

⁵⁴ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 8.

⁵⁵ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 7.

⁵⁶ “Report by I. Reshetov on the Congress of Former Socialist Revolutionaries. March 22, 1923” [in Russian], in A.A. Plekhanov, and A.M. Plekhanov, comps., *F.E. Dzerzhinsky, Chairman of the VChK–OGPU. 1917–1926* (Moscow: MFD; Materik, 2007), 476–78.

Even one specific episode connected with Seletskii's provocative work had extremely destructive consequences for the remnants of the SRP in Russia: "An almost hopeless situation was created, the center found itself isolated from the periphery, and local groups, from one another."⁵⁷ It was another organizational catastrophe altogether: the acting CB suspended its work and disbanded its personnel. Once again, under nearly impossible conditions, it became necessary to form a CB from the remnants of party members. It turned out to be increasingly difficult for the Socialist Revolutionaries in emigration to maintain contacts with their comrades in Soviet Russia, and somewhat later, at the Second Congress of Foreign Organizations of the SRP in 1928 in Paris, it was recognized that those contacts were only occasional.⁵⁸

Although not all of the provocateur Seletskii's tasks were fulfilled, he managed to introduce additional discord into the already ideologically fragmented ranks of the foreign Socialist Revolutionaries, even though the formal organizational unity of the party was temporarily preserved.

The Socialist Revolutionaries in exile never managed to find an adequate "antidote" to the work of the Soviet special services: their internal party investigations were not very successful. Only chance and the instincts of experienced revolutionaries such as Chernov, who had years of experience in conspiratorial activity behind them, helped to expose the provocateur.

The employees of the Secret Department of the GPU could consider even the exposure of the provocateur Seletskii a success of their special operation: the confusion, disarray, and outbreaks of mutual suspicion among the foreign socialists had a negative impact on the organization's effectiveness. The Socialist Revolutionary Party, which had already had the traumatic experience of the Azef affair, was very sensitive to any incidents involving betrayal in its ranks. The renewed search for a provocateur after the wave of arrests of the remaining Russian Socialist Revolutionaries in 1925 triggered a split within the FD of the SRP itself and, ultimately, led to the gradual decline of Socialist Revolutionary party work in emigration.

⁵⁷ "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, September 19, 1924" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 392–93.

⁵⁸ "Minutes of the First Session of the Second Congress of Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Paris, April 29, 1928" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 642.

Список литературы

Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. Москва: Посев, 2013. 424 с. EDN: YGMUMF

Голдин В.И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Москва: РИСИ, 2016. 856 с. EDN: WYZUFX

Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ–ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 110–125.

Кузьминых А.Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 736 с. EDN: QWOXNB

Соколов М.В. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 130–134. EDN: PBDIGL

Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР. Москва: Азбуковник, 2011. 550 с.

Струков Б.Г. Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы: сборник / составитель В.М. Комиссаров. Москва: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2000. С. 66–70.

Темпест Р. Страна родственных умов: русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 113–123. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCINBJ

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с. EDN: UNBHFD

Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.

Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского внепартийного объединения и Кронштадтское восстание 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49. EDN: IBCYIV

Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945) / перевод с немецкого Л. Лисюткиной. Москва: НЛЮ, 2004. 632 с.

Янсен М. Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров / перевод с английского Е.А. Ильзен-Грин, Г.Л. Грина, Ф.Е. Апанасенко. Москва: Возвращение, 1993. 272 с.

Dallin D.J. *Soviet Espionage*. New Haven: Yale University Press, 1955. 558 p.

Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1976. 332 p.

The Soviet Secret Police / edited by S. Wolin, R.M. Slusser. New York: F.A. Praeger, 1957. 408 p.

References

- Bazanov, P.N. *Bratstvo Russkoi Pravdy – samaya zagadochnaya organizatsiya Russkogo Zarubezh'ya* [The Brotherhood of Russian Truth, the most mysterious organization of the Russian diaspora]. Moscow: Posev, 2013. EDN: YGMUMF (In Russian)
- Dallin, D.J. *Soviet Espionage*. New Haven: Yale University Press, 1955.
- Fleishman, L. *V tiskakh provokatsii. Operatsiya “Trest” i russkaya zarubezhnaya pechat’* [In the grip of provocation. Operation “Trust” and the Russian émigré press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. (In Russian)
- Frolova, E.I. “Administrativnyi tsentr emigrantskogo vnepartiinogo ob"edineniya i Kronshtadtskoe vosstanie 1921 g.” [The administrative center of the emigrant non-party association and the Kronstadt Uprising of 1921]. *Voprosy istorii*, no. 9 (2007): 33–49. EDN: IBCYIVA (In Russian)
- Gerson, L.D. *The Secret Police in Lenin’s Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1976.
- Goldin, V.I. *Generalov pokhishchali v Parizhe. Russkoe voennoe Zarubezh'e i sovetskie spetssluzhby v 30-e gody XX veka* [Generals were abducted in Paris. Russian military diaspora and Soviet special services in the 1930s]. Moscow: RISI, 2016. EDN: WYZUFX (In Russian)
- Goloseyeva, A.A. “‘My drug drugu varvary’: Pervyi s"ezd zagranichnykh organizatsii partii sotsialistov-revolutsionerov v Prage (1923 g.) i popytka organizatsionnogo splocheniya” [“We are barbarians to each other”: The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Prague (1923) and an attempt of organizational consolidation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 484 (2022): 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW (In Russian)
- Jansen, M. *Sud bez suda. 1922 god: Pokazatel'nyi protsess sotsialistov-revolutsionerov* [A show trial under Lenin: the trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922], translated from English by E.A. Il'zen-Grin, G.L. Grin, and F.E. Apanasenko. Moscow: Vozvrashchenie, 1993. (In Russian)
- Kokurin, A.I., and N.V. Petrov. “GPU–OGPU (1922–1928)” [The GPU–OGPU (1922–1928)]. *Svobodnaya mysl'*, no. 7 (1997): 110–25. (In Russian)
- Kuz'minykh, A.L. “The Internal Affairs Agencies of the Soviet State in the Period of Stalinism in the Context of Russian Historiography.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ
- Morozov, K.N. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist Revolutionaries and prison confrontation (1922–1926): Ethics and tactics of struggle]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005. EDN: QWOXNB (In Russian)
- Schlögel, K. *Berlin, Vostochnyi vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdv dvumya vainami (1919–1945)* [Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert], translated from German by L. Lisutkina. Moscow: NLO, 2004. (In Russian)
- Sokolov, M.V. “Proval TsB eserov v Leningrade” [Failure of the SR Central Bureau in Leningrad]. *Rodina*, no. 7 (2012): 130–34. EDN: PBDIGL (In Russian)
- Sokolov, M.V. *Soblazn aktivizma. Russkaya respublikansko-demokraticeskaya emigratsiya 20–30-kh gg. XX v. i OGPU SSSR* [The temptation of activism. Russian republican democratic emigration of the 1920s–1930s and the OGPU of the USSR]. Moscow: Azbukovnik, 2011. (In Russian)

Strukov, B.G. “Bor’ba OGPU protiv rossiiskoi politicheskoi emigratsii” [The OGPU’s struggle against Russian political emigration]. In *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 1999 god. Otechestvennye spetssluzhby v 20–30-e gody: sbornik* [Historical readings at Lubyanka, 1999. Russian special services in the 1920s–1930s: A collection], compiled by V.M. Komissarov, 66–70. Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2000. (In Russian)

Tempest, R. “Strana rodstvennykh umov: russkie emigranty v Bolgarii. Pervye poslerevolyutsionnye gody” [A land of kindred intellects: Russian émigrés in Bulgaria during the early post-revolutionary years]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4 (2020): 113–23. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCIHBJ (In Russian)

Teplyakov, A.G. *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008. EDN: UNBHFD. (In Russian)

Wolin, S., and R.M. Slusser, eds. *The Soviet Secret Police*. New York: F.A. Praeger, 1957.

Информация об авторе

Анна Анатольевна Голосеева – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>, goloseyeva.anna@yandex.ru, Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, пл. Миусская, 125047 Москва, Россия).

Information about the author

Anna A. Goloseyeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>, goloseyeva.anna@yandex.ru, Russian State University for the Humanities (6, pl. Miusskaya, 125047 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 10.11.2025.